

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 7.

1-го Апрѣля

1874 года.

Содержаніе.—Состояніе Галликанской церкви въ періодъ Галло—Романскій.—Нагорная проповѣдь.—Оригенъ противъ Целса.

СОСТОЯНІЕ ГАЛЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРІОДЪ ГАЛЛО—РОМАНСКІЙ

(со второй половины перваго вѣка до конца пятаго) по сочиненію Авбата Гѣти (Histoire de l'église de France. Tome 1).

(Продолженіе).

Наконецъ въ концѣ 4 в. и въ началѣ 5 в. взволновала Галльскую Церковь ересь полу—пелагианская. Основатель этой ереси былъ Кассіанъ, игумень Марсельскаго монастыря. Ересь эта немногимъ отличалась отъ настоящаго Пелагианства. Пелагій отвергалъ всякую необходимость благодати и полагалъ возможнымъ для человѣка спасеніе его же собственными силами. Кассіанъ думалъ, что человѣкъ дѣйствительно самъ собою можетъ заслужить первую благодать и только послѣ полученія этой первой благодати онъ

считалъ необходимою божественную помощь только для увеличенія вѣры и постоянства или твердости въ добродѣтели (стр. 202). Сторону Кассіана приняли Марсельскіе монахи, а противниками его стали Просперъ и Иларій Галльскіе и Августинъ Иппонійскій. Сначала боролся съ Полу-пелагіанами Августинъ, а по смерти его въ 430 г. продолжали борьбу Просперъ и Иларій. Этотъ споръ произвелъ много шума и влеченій, потому что спорящія стороны были сильны. Сектанты Кассіана писали возраженія противъ ученія Августина, Просперъ сильно опровергалъ ихъ и приводилъ новыя доказательства. Дѣло перешло въ Римъ. Папа Делестинъ принялъ сторону противниковъ Кассіана и отъ себя написалъ нѣсколько доводовъ въ пользу благодати, осуждая послѣдняго. Но волненія и споры затихли только со смертію Кассіана. Монахи Марсельскіе не въ состояніи были вести борьбу съ Просперомъ и Иларіемъ.

Новозмущаемая гоненіями тирановъ и заблужденіями еретиковъ, Галликанская церковь всею заботливостію занялась искорененіемъ недостатковъ, внесенныхъ въ общество христіанское этими бдствіями и введеніемъ новыхъ порядковъ для нравственнаго обезпеченія какъ духовныхъ, такъ и мирянъ различныхъ званій, состояній и половъ. Лучшимъ средствомъ для успѣха въ такой обширной дѣятельности были помѣстные или провинціальныя соборы.

Помѣстные соборы имѣли великое значеніе для церкви. Они поддерживали единство отдѣльныхъ церквей. Безпорядки или неумѣнія, возникавшія въ одной епархіи, были обсуждаемы на соборѣ епископами многихъ епархій и служили для нихъ урокомъ и предостереженіемъ. Въ епископахъ они развивали братолюбіе и способность безпристрастно обсуждать предметы и лица. Соборы служили высшимъ судилищемъ для лицъ духовныхъ особенно въ дѣлахъ низшихъ служителей съ епископами. Наконецъ, они были школой, въ которой и теоретически и практически могли образовываться епископы и будущіе ихъ преемники. Между тѣмъ акты соборныя имѣютъ великое значеніе для исторіи. Въ многочисленныхъ канонахъ соборныхъ лучше, чѣмъ гдѣ либо раскрывается внутренняя жизнь христіанскихъ обществъ съ ея достоинствами, недостатками и нуждами и въ тоже время акты эти представляютъ намъ картину дѣятельности церкви.

Съ 314 и до 475 г. въ Галліи было два цать три собора, въ томъ числѣ два аріанскіе. Поводомъ къ сознанію соборовъ было или осужденіе еретиковъ или обсужденіе какого нибудь частнаго дѣла и лица. Такъ напримѣръ въ 381 г. соборъ Аквидейскій

осудилъ остатки Аріанства на западѣ. Въ 385 г. соборъ Бордо-скій собранъ былъ для осужденія Присциллианитовъ. Въ 390 году поднялся споръ за право Митрополита между церквами Марсельской, Віеннской и Арльской. Соборъ Туринскій въ 397 году прекратилъ эти споры и указалъ границы правъ каждой изъ трехъ Церквей. Въ 450 гг. поднялся другой споръ тоже за права по управленію монастыремъ Теринскимъ между Θεодоромъ епископомъ Фрейскимъ и Фаустомъ игуменомъ этого монастыря. Третій Арльскій соборъ въ 455 г. прекратилъ и этотъ споръ и безобидно разграничилъ права спорящихъ сторонъ. Кромѣ случаевъ, подававшихъ поводъ собираться соборамъ, на нихъ обсуждались и многіе другіе предметы и дѣла и каждый соборъ оставлялъ какіе нибудь каноны или правила, касавшіеся Церковной дисциплины. Прежде всего съ особенною подробностію и полнотою опредѣлены правила, касавшіеся избранія епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ и ихъ обязанностей.

Постепенно уясня этотъ предметъ, соборы постановили слѣдующія правила объ избраніи епископа, въ которыхъ видно особенное стремленіе устранить вмѣшательство свѣтской власти и незаконное посвященіе. 1. Когда умеръ какой нибудь епископъ, то ближайшія сосѣдній епископъ одинъ долженъ былъ придти въ церковь умершаго и оставаться тамъ только до погребенія, т. е. до седьмаго дня; никакой другіи епископъ не могъ даже приближаться къ городу. 2. Епископъ больной и неспособный управлять своею паствою долженъ былъ обращаться за помощію къ другому епископу и просить его принять на себя эту заботу; онъ не долженъ поручать управленіе паствою своимъ духовнымъ. 3. Если только два епископа совершили посвященіе, то они должны быть низложены. 4. Всѣ епископы, принимавшіе участіе въ незаконномъ посвященіи, не могли болѣе присутствовать ни на какомъ епископскомъ посвященіи, ни на какомъ соборѣ. 5. Тѣ, которые во время избранія епископа возбуждали волненія и заводили интриги, были отлучаемы отъ Церкви. 6. Епископъ, согласившійся быть посвященнымъ незаконнымъ образомъ, былъ низлагаемъ, а если для посвященія его употреблено было насиліе, то онъ ставился на престолъ одного изъ тѣхъ епископовъ, которые участвовали въ его посвященіи. 7. Если незаконно посвященный епископъ съ своей стороны совершалъ посвященія, то они считались недействительными, т. е. посвященные имъ лица не могли какъ бы законнымъ образомъ исполнять то служеніе, для котораго они избраны. Что касается до внутренней важности самаго посвященія, въ ней не должно было сомнѣваться, если только епископъ слѣдовалъ прави-

дамъ установленнымъ для правильнаго совершенія таинства Священства (стр. 246).

Епископъ имѣлъ полное право суда надъ своими викарными епископами, надъ священниками и всѣми другими духовными своей епархіи. Онъ имѣлъ даже надъ своими священниками и низшими служителями такое право, что другой епископъ безъ его позволенія не могъ возводить ихъ въ высшій санъ. Если епископъ хотѣлъ посвятить какого нибудь клирика изъ другой епархіи, то онъ долженъ былъ пригласить его къ себѣ, обстоятельно узнать его, попросить свидѣніи объ немъ у его епископа и только получивъ согласіе послѣдняго посвящать его; въ противномъ случаѣ—посвященіе было недѣйствительно и епископъ, совершившій его, долженъ былъ быть призываемъ на соборъ.

Епископъ былъ всегдашній судія своихъ духовныхъ; но его рѣшенія не были безконтрольны и духовное лицо, которое сочло бы нужнымъ не повиноваться, могло обращаться за рѣшеніемъ къ провинціальному собору (стр. 249)

Классъ кающихся составлялъ предметъ особенной заботливости соборовъ. Кающимися или носящими извѣстную энитимію (satisfaction) назывались люди, которые или совершили грѣхъ послѣ крещенія или же отпали отъ вѣры увлеченные ересью или гоненіемъ и потомъ снова возвратились къ Церкви. Церковь строго наказывала за такіе тяжкіе грѣхи и въ тоже время заботилась, чтобы кающіеся не пали подъ тяжестью энитиміи.

Рабы, подкидыши и всѣ несчастные, чмѣвшіе нужду съ помощи Церкви, были предметовъ обсужденій на соборахъ. Для раба преслѣдуемаго жестокимъ господиномъ Церковь открыла убѣжище у ногъ алтаря. Императоры возвели это убѣжище въ право Церкви. Но она въ этомъ случаѣ была весьма осмотрительна и не злоупотребляла этимъ священнымъ правомъ ни въ пользу раба ни въ пользу господина. Когда рабъ являлся у ногъ алтаря, его должно было спросить имѣлъ ли онъ на то основанія законныя, которыми почиталось жестокое обращеніе господина. Если неимѣлъ, его отсылали къ господину. Если послѣ этого случая господинъ дѣйствительно жестоко сталъ бы съ нимъ обращаться, его поражали отлученіемъ. Случалось что нѣкоторые владѣтели рабовъ, проникнутые христіанскою любовію къ нимъ, предъ лицомъ служителей алтаря давали свободу своимъ рабамъ. Если освобожденные оказывались неблагодарными къ бывшему своему господину, Церковь дозволяла взять ихъ снова въ рабство. Она не могла покровительствовать неблагодарность.

Плодомъ страшнаго разврата падавшаго Римскаго общества были несчастные подкидыши, которыхъ, по словамъ Везопскаго собора, бросали на улицахъ скорѣе для собакъ, чѣмъ для человѣческаго состраданія. Для христіанской любви это была лучшая пища. Но часто случалось, что къ дѣтямъ, вскормленнымъ чужой любовью, являлись родители и требовали ихъ себѣ; или же такъ случалось, что людей, принявшихъ подкидышей обвиняли въ преступленіяхъ. Во избѣжаніе этой несправедливости Церковь опредѣлила нѣкоторыя правила. Нашедшій или принявшій подкидыша долженъ былъ объявлять объ этомъ Церкви; въ воскресенье діаконъ дѣлалъ въ храмѣ заявленіе о младенцѣ и если въ теченіе десяти дней не находились родители, младенецъ принадлежалъ тому, кто бралъ его себѣ, а людей, клеветавшихъ на него, поражали тѣми же церковными наказаніями, какъ и челоуѣкоубійць (259—262).

Разслабленные, сумасшедшіе и бѣсноватые были также предметомъ заботливости Церкви. Первымъ старались доставить утѣхи и покой; старались привести въ какой нибудь порядокъ и тишину бѣдные умы сумасшедшихъ; бѣснующимся доставляли все—возможную помощь и при малѣйшихъ признакахъ сознанія допущали ихъ къ причащенію.

Таковъ былъ предметъ дѣятельности пастырей Галликанской Церкви на соборахъ и внѣ соборовъ. Отсюда понятно, почему пастыри Церкви въ разсматриваемый періодъ имѣли такое огромное вліяніе на народъ и пользовались у него такимъ великимъ уваженіемъ.

На соборахъ обыкновенно предѣлательствовали Митрополиты. такъ какъ за право ихъ происходили большіе споры и волненія, то въ этихъ же соборахъ съ точностію опредѣлены права ихъ. Еще первый Вселенскій соборъ опредѣлилъ, что Митрополитомъ долженъ быть тотъ епископъ, который живетъ въ главномъ городѣ провинціи—въ ея митрополіи. А права ихъ въ Галліи были слѣдующія. 1. Онъ долженъ былъ посѣщать епархіи, зависящія отъ его митрополіи; 2. созывать на соборъ епископовъ своей провинціи и предѣлательствовать на немъ; 3. къ нему должны были обращаться епископы за разрѣшеніемъ сомнительныхъ вопросовъ, которыхъ они сами не могли рѣшить и чрезъ него же они должны были обращаться къ папѣ, если самъ онъ немогъ рѣшить предлагаемыхъ вопросовъ. 4. Митрополитъ имѣлъ право совершать (неуже ли динъ?) посвященія всѣхъ епископовъ своей провинціи. 5. члн предѣлательствовалъ наконецъ на выборахъ этихъ епископовъ О.

Но кромѣ соборовъ—одного изъ полезнѣйшихъ учрежденій, первенствующей Церкви, на пастырей ея и на все христіанское общество имѣло огромное вліяніе быстрое развитіе монашеской жизни въ этомъ періодѣ.

Основатели монашеской жизни въ Галліи были: Мартинъ, Сульпицій, Северъ, Гоноратъ, Кассіаль и Романъ съ братомъ своимъ Люпицініемъ.

Мартинъ родился въ 316 въ Папнонн (нынѣшней Венгріи) въ г. Саваріи отъ родителей довольно знаменитыхъ, но язычниковъ. Онъ воспитывался въ Павіи. Поступилъ въ военную службу; но съ юныхъ еще лѣтъ онъ почувствовалъ склонность къ религіи. На 30 г. при Юліанѣ онъ вышелъ изъ службы, крестился и отправился въ Галлію къ епископу Пуатьерскому Иларію, болѣе другихъ славившемуся въ то время святостію жизни и ученостію. Скоро онъ однако воротился въ отечество съ наиѣрнѣею просвѣтити своихъ родителей. На пути онъ впасть въ разбойники; они хотѣли его убить, но раздумали; одинъ изъ нихъ повелъ его въ глухое мѣсто, чтобы ограбить; Мартинъ сталъ говорить ему о Евангеліи и разбойникъ обратился ко Христу. Мартину удалось склонить ко крещенію мать и многихъ другихъ родныхъ, но отецъ остался непреклоненъ. Возвратившись къ Иларію, онъ не долго оставался при немъ и удалился въ небольшой монастырь Лигургскій недалеко отъ города. Здѣсь онъ совершилъ важное чудо. При немъ былъ одинъ ослѣпленный. Мартинъ куда-то отлучился; ослѣпленный въ это время заболѣлъ и умеръ. Возвратившись, Мартинъ нашелъ братію въ слезахъ. Исполненный глубокой вѣры въ Бога и сильной любви къ ослѣпленному, онъ рѣшился возвратить ему жизнь. Выславъ изъ келліи монаховъ, онъ сталъ на молитву. Долго и съ усердіемъ онъ молился и твердо надѣялся на милость Божію. Дѣйствительно мертвецъ началъ обнаруживать признаки жизни и наконецъ ожилъ. Братія плакала отъ радости и отъ удивленія. Такая святость жизни не могла остаться тайною для христіанъ. По смерти епископа Турскаго Лидоара онъ единодушно назначенъ былъ епископомъ. Но только хитростію зявали Мартина въ Туръ. Гражданинъ г. этого Рурицій явился къ нему съ просьбою прійти исцѣлить больную его жену. Мартинъ явился въ Туръ; но тутъ его окружили и не давали возможности выйти изъ города, между тѣмъ епископы были готовы къ посвященію и посветили его.

Но сдѣлавшись епископомъ, Мартинъ ни мало неизмѣнилъ монашескимъ обѣтамъ. На рѣкѣ Луарѣ онъ основалъ монастырь, названный Мармурьскимъ или великимъ монастыремъ. Образъ жи-

ни братіи этого монастыря служилъ образцомъ для монастырей, явившихся послѣ. Собственности ни у кого небыло; всякое личное достояніе дѣлалось общимъ. Монахи жили въ келліяхъ; на молитвы собирались вмѣстѣ; время проводили въ постѣ и молитвѣ. Одежда ихъ состояла изъ верблюжьей шерсти. Подъ руководствомъ Мартина много явилось людей, которые впоследствии сдѣлались епископами.

Между тѣмъ самъ Мартинъ, ведя строго — монастырскую жизнь, въ то же время принималъ дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Въ это время Церковь Галльскую водновала ересь Присцилліана, которую жестоко, вовсе не по христіански, преслѣдовала партія епископовъ Ифанціанъ, такъ названыхъ отъ имени главнаго епископа этой партіи Ифанція, жестокаго къ еретикамъ и льстиваго предъ Императоромъ. Мартинъ являя ко двору въ Трирь, гдѣ въ это время жилъ Императоръ. Онъ умолялъ Императора быть справедливымъ къ еретикамъ. Не хотѣлъ имѣть общенія съ Ифанціанами. Угрозы Императора не дѣйствова на него. Пока онъ былъ Турѣ, партія Ифанціанъ сдерживалась, а лишь только онъ удалился — Присцилліана и многихъ его товарищей казнили.

Максимъ отнялъ власть у Императора Граціана. Нарзесъ и Левкадій — вліятельные придворные люди остались вѣрны послѣднему. Максимъ рѣшился казнить ихъ. Мартинъ явился ходатаемъ за нихъ предъ Императоромъ. Максимъ согласился простить ихъ подѣ условіемъ, если Мартинъ согласится принять общеніе съ Ифанціанами. Мартинъ согласился быть при посвященіи изъ партіи Ифанціанъ одного епископа — Феликса. Но Императоръ не сдержалъ слова. И Мартинъ снова разошелся съ Ифанціанами. Тѣмъ не менѣе Максимъ уважалъ Мартина. Съ большими усиліями онъ зазвалъ его къ себѣ на обѣдъ. На обѣдѣ были всѣ знаменитости придворныя. Между братомъ и дядей Императора сидѣлъ священникъ, слугникъ Мартина, а самъ онъ — по правую сторону Императора. Императоръ предложилъ первый кубокъ Мартину, надѣясь самъ получить изъ его рукъ первый. Но Мартинъ, выпивъ подалъ священнику, считая его самъ выше Императорскаго. Всѣ обѣдавшіе удивились, какъ Мартинъ за столомъ Императора сдѣлалъ то, чего до того времени другой епископъ не осмѣливался сдѣлать за столомъ послѣдняго начальствующаго лица.

Въ это же время Мартинъ съ особенной ревностію трудился для распространенія христіанства въ селеніяхъ не только своей епархіи, но и многихъ другихъ, какъ объ этомъ было сказано вы-

ше. Среди неутомимой дѣятельности и смерть застигла святаго Епископа. Онъ отправился въ Конды городъ, лежавшій при сѣвѣннѣ Дуара и Вісны, для усмиренія споровъ, поднявшихся между духовенствомъ. Здѣсь онъ занемогъ. Едва разнесся объ этомъ слухъ, духовенство и народъ толпами сходились въ Канды. Наконецъ, простившись съ братьями изъ Мармутьерскаго монастыря, бывшими съ нимъ, онъ скончался. Между жителями Шуатьера и Тура произошелъ споръ за тѣло Мартина. Наконецъ послѣдніе украдкой ночью увезли его по Дуарѣ въ Туръ. Погребеніе было великолѣпное и торжественное, при невѣроятномъ множествѣ народа— въ 397 году.

(Окончаніе будетъ въ слѣд. №).

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Продолженіе).

III. Въ ряду спорныхъ вопросовъ нагорной проповѣди первое мѣсто можетъ занимать вопросъ: а. нагорная проповѣдь Матѳея есть ли та самая, которую произнесъ Господь?

Мейеръ¹⁵⁾ основываясь на томъ, что подлинникъ евангелиста Матѳея имѣлъ содержаніемъ своимъ *λόγια τοῦ Κυρίου*, принимаетъ, что нагорная проповѣдь въ томъ видѣ, въ какомъ находится она въ теперешнемъ евангеліи Матѳея, въ существенномъ была основною частію оригинала. Не смотря, однако, на это, онъ рѣшительно отрицаетъ то, что нагорная проповѣдь вполнѣ вѣрно и точно передана Матѳеемъ именно въ той формѣ, въ какой находится она въ теперешнемъ евангеліи его. Положеніе свое Мейеръ основываетъ α. на обширности объема и разнообразіи содержанія нагорной проповѣди и β. на томъ обстоятельстве, что Матѳей по 9, 9 еще не былъ въ числѣ слушателей Господа въ то время, когда Онъ произносилъ нагорную проповѣдь. Основанія, на которыхъ Мейеръ зиждетъ свое положеніе не заключаютъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, достаточной силы доказательности. Въ самомъ дѣлѣ, первое изъ нихъ, т. е. обширность объема и разнообразіе содержанія нагорной проповѣди, можетъ говорить, кажется, скорѣе въ пользу поставленнаго нами вопроса, чѣмъ на оборотъ: повѣствованіе непосредственнаго слушателя всегда бываетъ полнѣе повѣствованія челоуѣка, заимствовавшаго матеріалъ для своего повѣствованія изъ вторыхъ рукъ. Второе обазывается шаткимъ при противопоставленіи 9-му ст. 9 гл. Мат. 14-го, 15-го и 16-го ст. 6 гл. Лук., потому что при

15) Kritischer-exegetischer Commentar über das Neue Testaments. Стр. 218.

этомъ самое основаніе является еще вопросомъ т. е. дѣйствительно ли Матѳей не былъ еще слушателемъ Господа въ то время, когда Онъ произносилъ свою рѣчь ¹⁶⁾. — Подобно Мейеру, и Ольсгаузенъ ¹⁷⁾ смотритъ на поставленный нами вопросъ съ отрицательной точки зрѣнія, основываясь, впрочемъ, не на фактъ отсутствія Матѳея во время произнесенія Господомъ нагорной проповѣди, а на предположеніи преимущества первоначальности нагорной проповѣди Луки. «У Луки, говоритъ онъ, хотя мы и находимъ рѣчь Иисуса ¹⁸⁾, которая родственна нагорной проповѣди Матѳея, а по началу и концу даже тождественна съ послѣднею, но она гораздо кратче рѣчи Иисуса у Матѳея. У Луки есть только два стиха ¹⁹⁾, которые находятся у Матѳея въ другой связи ²⁰⁾; такъ какъ, впрочемъ, оба эти стиха правоучительнаго характера, то они могли быть повторены нѣсколько разъ. Но что весьма странно, продолжаетъ Ольсгаузенъ, такъ это то, что мысли, которыя находятся у Матѳея только въ нагорной проповѣди, у Луки помѣщены болѣею частію совершенно въ другой связи, которая представлена у Луки такъ опредѣленно, что мы должны разсматривать эти мысли въ ихъ первоначальномъ сочетаніи именно у Луки». Въ нагорной проповѣди Луки преобладаетъ кромѣ того «историческая точность, которой не замѣчается въ рѣчи Матѳея». Отдавая преимущество первоначальности сочетанію нѣкоторыхъ мыслей нагорной проповѣди Матѳея въ различныхъ мѣстахъ Луки-Ольсгаузенъ, естественно, отрицаетъ этимъ возможность произнесенія Господомъ нагорной проповѣди именно въ томъ видѣ, въ какомъ находится она у Матѳея, т. е. лишаетъ рѣчь Матѳея преимущества первоначальности и такимъ образомъ изводитъ ее на степень простой компиляціи. Но достаточно бѣлаго вниманія, для того чтобы видѣть несостоятельность отрицательнаго в зглядѣ Ольсгаузена относительно поставленнаго нами вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительно ли преимущество первоначальности принадлежитъ нагорной проповѣди Луки? Дѣйствительно ли нагорная проповѣдь Матѳея есть компиляція? — Достаточно краткаго анализа этихъ вопросовъ, для того чтобы прійти къ совершенно противоположнымъ результатамъ, всецѣло подрывающимъ основанія Ольсгаузена.

16) Ниже мы будемъ имѣть случай говорить объэтомъ подробнѣе.

17) *Biblischer Commentar über sammtliche Schriften N. Testaments.* Стр. 187

18) Лук. 6, 17 и д.

19) Лук. 6, 39-40.

20) Мат. 15, 14, 10, 24.

в. И действительно, въ этомъ отношеніи Ольсгаузенъ имѣетъ цѣлый рядъ ученыхъ противниковъ. Такъ Мейеръ, Кернъ, де Ветте, Эбрардъ и др. преимущество первоначальности приписываютъ не нагорной проповѣди Луки, какъ этого хотятъ Кальвинъ, Ольсгаузенъ, Вильке, Б. Бауеръ, Ноттъ, Кипель, Шенкель и др. по нагорной проповѣди Матѳея, какъ принимаетъ даже школа Баура²¹⁾. Положеніе это ученые основываютъ вообще на недостаткахъ, замѣчаемыхъ въ нагорной проповѣди Луки, именно: въ ней нѣтъ надлежащей обстоятельности, гномологической краткости и растворимости, которыя характеризуютъ нагорную проповѣдь Матѳея. Упомянутые нами противники мнѣнія о первоначальности нагорной проповѣди Матѳея противопоставляютъ, впрочемъ, ему далеко и выдерживающее критики строгой мысли мнѣніе, будто нагорная проповѣдь Матѳея есть компиляція изъ многихъ другихъ въ различное время и по различнымъ случаямъ произнесенныхъ Господомъ рѣчей. Основанія этого мнѣнія слѣдующія.

а. Компилятивный характеръ евангелія Матѳея вообще и поученій, находящихся въ гл. 10, 13, 23, въ особенности, даетъ право заключать, что и нагорная проповѣдь Матѳея есть также компиляція. б. Нагорная проповѣдь Матѳея обладаетъ всѣми условіями хорошаго произведенія: она имѣетъ строгую связь и послѣдовательность въ развитіи мыслей и опредѣленный планъ—логическія совершенства, которыми она не могла обладать въ первоначальномъ видѣ. в. Составныя части нагорной проповѣди Матѳея разбросаны въ различныхъ мѣстахъ евангелія Луки и помѣщены здѣсь въ болѣе приличной связи. Такъ молитва Господня, помѣщенная евангелистомъ Матѳеемъ въ нагорной проповѣди лишь по случаю упоминанія о молитвѣ вообще, у Луки находится въ совершенно другой связи съ яснымъ и опредѣленнымъ указаніемъ на случай къ произнесенію ея²²⁾. г. Къ основаніямъ, подтверждающимъ компилятивный характеръ нагорной проповѣди Матѳея и разновременность произнесенія составныхъ элементовъ ея, должно отнести и ту шаткую гипотезу нѣкоторыхъ ученыхъ, по которой Матѳей при составленіи нагорной проповѣди пользовался нагорною проповѣдью Луки.

Доказательства, лежащія въ основѣ мнѣнія, будто нагорная проповѣдь Матѳея есть компиляція изъ произнесенныхъ Господомъ

21) Утверждая, конечно, что евангеліе Луки есть павланійское тенденціозное произведеніе.

22) Мат. 6, 7-9. Лук. 11, 1-2.

въ различное время и по различнымъ случаямъ рѣчей, не выдерживаютъ здоровой критики. Не ссылаясь на авторитетъ знаменитыхъ отцевъ и учителей древней церкви—Златоуста, Оригена и мн. др., признававшихъ преимущество первоначальности за нагорную проповѣдью Матвѣя, мы замѣтимъ α., что доказательства мнѣнія о собраніи евангелистомъ Матвѣемъ въ нагорной проповѣди различныхъ рѣчей основывается на разновременности составныхъ частей нагорной проповѣди г. е. на основаніи, которое ни на чемъ не основывается, и которое слѣдовательно прежде всего само нуждается въ доказательствѣ, для того чтобы служить потомъ основаніемъ указаннаго мнѣнія. β. Въ нагорной проповѣди, какъ и въ другихъ рѣчахъ Господа, есть связь; но опредѣленнаго плана, систематическаго порядка и *строгой логической* связи въ ней нѣтъ, потому что Господь руководился не логикою холоднаго разсудка, а логикою теплаго сердца, чувства, и потому-то преобладающій элементъ нагорной бесѣды Его составляетъ евангельская простота—неотъемлемое достоинство и многихъ произведеній первыхъ временъ христіанства. Въ цѣломъ нагорная проповѣдь Матвѣя представляется вообще раздѣленною; за плавнымъ теченіемъ однородныхъ мыслей въ ней часто слѣдуютъ мысли, повидимому, совершенно разнородныя, каковое явленіе было бы немислимо въ томъ случаѣ, еслибы нагорная проповѣдь Матвѣя была продуктомъ евангелиста, приведеннаго къ единству различную матерію. Но это естественно въ ней и даже необходимо; потому что въ свободномъ теченіи мыслей Господь перѣдко возвращался къ прежде уже изложеннымъ мыслямъ²³); даже отдѣльныя части рѣчи соединены одні съ другими *повидимому безсвязно*²⁴). И мы можемъ возстановить *внутренній ходъ мыслей*, проводимый Господомъ отъ одного пункта ученія къ другому, только посредствомъ рефлексіи. Матвѣй изложилъ только отдѣльные пункты ученія въ томъ видѣ, какъ они слѣдовали другъ за другомъ, но переходы отъ одного къ другому онъ потерялъ. Все это говоритъ въ пользу того, что нагорная проповѣдь въ *сущности* передана Матвѣемъ такъ, какъ она произнесена была Господомъ. Если бы она была составлена евангелистомъ свободно, то она представляла бы совершенно иной видъ; въ ней не было бы повторенія мыслей и быстрыхъ нецелѣдовательныхъ переходовъ. γ. Составныя части нагорной проповѣди Матвѣя вообще, разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ евангелія Луки, находятся большею частію въ такой связи, что имъ никакъ нельзя приписать преимущество исторической первоначальности.

23) Ср. Мат. 6, 19 и д. съ 5, 3 и л.

24) Особенно Мат. 7.

сти, потому что онѣ или просто помѣщены не на своемъ мѣстѣ²⁵⁾, или служить указаніемъ лишь на то, что одно и тоже изреченіе Господь повторялъ два²⁶⁾ и даже три раза²⁷⁾. Къ числу дважды произнесенныхъ изреченій должно отнести и мѣста Лук. II, 9—13 ср. Мат. 7, 7—II; Лук. 12, 22—31 ср. Мат. 6, 25—34.

Въ доказательство разновременности произнесенія Господомъ рѣчей, заключающихся въ нагорной проповѣди Матѳея, указываютъ еще на мѣста Мат. 5, 13 и Лук. 14, 34—35 сл. ст. 1; Мат. 5, 15 и Лук. 11, 33; Мат. 6, 24 и Лук. 6, 13; Мат. 6, 25—33 и Лук. 12, 22—31. Но изреченіе Мат. 5, 13 не могло быть заимствовано евангелистомъ изъ поученія, произнесеннаго Господомъ въ другое время; потому что оно занимаетъ у Матѳея самое приличное мѣсто въ ряду предыдущихъ и послѣдующихъ мыслей; тогда какъ у Луки трудно указать надлежащую связь между изреченіями Господа. Изреченіе Мат. 5, 15 и Лук. 11, 33, равно какъ и изреченія Мат. 6, 24 и Лук. 6, 13, находятся въ должной связи у того и другаго евангелиста. Относительно же части Мат. 6, 25—33, которая находится у Луки въ 12, 22—31., должно замѣтить, что Лука сообщаетъ эту рѣчь безъ всякаго повода, вставляя ее въ собраніе рѣчей²⁸⁾ посредствомъ совершенно неопредѣленной формы: *εἶπε δὲ πρὸς τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ*. На основаніи болѣе приличной связи поученій Господа у Матѳея должно думать, что скорѣе Лука является компиляторомъ Матѳея²⁹⁾. Да и самый порядокъ изреченій, въ какомъ они слѣдуютъ въ этомъ мѣстѣ другъ за другомъ, у Матѳея естественнѣе, чѣмъ у Луки³⁰⁾. У послѣдняго они стоятъ безъ надлежащаго отношенія къ предыдущимъ и послѣдующимъ мыслямъ³¹⁾; тогда какъ у Матѳея они находятся въ связи съ тѣми и другими³²⁾.

При низкомъ уровнѣ развитія учениковъ и тѣмъ болѣе народа, при постоянной перемѣнѣ аудиторіума и нестромъ различіи слуша-

25) Лук. 11, 34-36 ср. Мат. 6, 22 и д; Лук. 16, 17 ср. Мат. 5, 24; Лук. 16, 18 ср. Мат. 5, 32.

26) Лук. 12, 33 и д. ср. Мат. 6, 19-21; Лук. 13, 24 ср. Мат. 17, 13; Лук. 13, 25-27 ср. Мат. 7, 22; Лук. 13, 34 ср. Мат. 5, Лук. 16, 13 ср. Мат. 6, 24.

27) Мат. 5, 15. Лук. 8, 16. 11, 33.

28) Лук. 12.

29) Мат. 6, 19-21. 24. Лук. 12., 21.

30) Лук. 12, 33-34.

31) Лук. 12, 32-35.

32) Мат. 6, ч 20-2 1.

телей, многократное повтореніе Господомъ однихъ и тѣхъ же поученій было необходимо. Поученія Его состояли большею частію изъ краткихъ изреченій, имѣвшихъ характеръ притчей; а приточный образъ рѣчи повторяется, какъ извѣстно, и притомъ съ буквальною точностію. Отсюда изреченія Господа повторяются у одного и тогоже евангелиста ³³). Яснымъ доказательствомъ неоднократнаго повторенія Господомъ Его наставленій служить нѣкоторые мѣста евангелія Іоанна ³⁴). Въ 15, 20 Господь указываетъ очевидно не только на тотъ случай, о которомъ говоритъ въ 13, 16, но и на другіе случаи, сообщаемые другими евангелистами ³⁵). Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что одно и тоже изреченіе Онъ повторялъ нѣсколько разъ ³⁶).

Что касается молитвы Господней въ частности, то вопросъ, почему она помѣщена евангелистами Матѳеемъ и Лукою въ различныхъ мѣстахъ, занималъ еще древнихъ. Въ основу рѣшенія этого вопроса они полагали главнымъ образомъ три предположенія α . Ученикъ, просившій Господа научить ихъ молиться ³⁷), или отсутствовалъ во время произнесенія Господомъ нагорной проповѣди и слѣдовательно не слышалъ предложенной въ ней молитвы; или онъ принадлежалъ къ числу 70 апостоловъ; или, наконецъ, 7 апостолы смотрѣли на молитву нагорной проповѣди какъ на образецъ для народа вообще, и потому у Луки желали имѣть образецъ молитвы для себя въ частности.— Въ ряду этихъ предположеній особеннаго вниманія заслуживаетъ предположеніе о желаніи апостоловъ имѣть для себя особенный образецъ молитвы, предложенный у Луки, въ отличіе отъ образца молитвы нагорной проповѣди, назначеннаго для народа. Желаніе апостоловъ—имѣть для себя особенный образецъ молитвы—естественно уже потому, что Господь вѣрѣдко обращалъ свои поученія исключительно къ народу, такъ что апостолы иногда терялись въ своихъ предположеніяхъ относительно того, къ нимъ ли Онъ говорить, имже къ народу ³⁸).

Къ этимъ предположеніямъ должно присоединить еще два, именно: $\alpha\alpha$. Молитва Господня у Матѳея и Луки произнесена,

33) Мат. 19, 30 и 20, 16, 20, 16 и 22, 14; 5, 29. 30 и 18, 8. 9; 17, 20 и 22, 21. Лук. 8, 15 и 11, 31; 8, 17 и 12, 2; 14, 11 и 18, 14.

34) Іоан. 13, 16; 15, 20.

35) Мат. 10, 24.

36) Іоан. 7, 34 и 8, 21 и 13, 33.

37) Лук. 11, 1.

38) Лук. 12, 41.

быть можетъ, въ одно время, только безъ упоминанія Матеемъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ говоритъ Лука ³⁹). Быть можетъ еще доначала произнесения Господомъ нагорной проповѣди одинъ изъ апостоловъ просилъ Его научить ихъ молиться, каковой просьбѣ Господь удовлетворяетъ изложеніемъ молитвы именно въ нагорной проповѣди. ³⁹ Во всякомъ случаѣ въ фактъ помѣщенія Матеемъ и Лукою молитвы Господней въ различныхъ мѣстахъ не можетъ быть ни какого противорѣчія. За это говоритъ единство нѣкоторыхъ обстоятельствъ у того и другаго евангелиста, пеществовавшихъ произнесению молитвы «Отче нашъ». Такъ, по Лукѣ ⁴⁰), предъ произнесениемъ рѣчи Господь провелъ ночь въ молитвѣ на вершинѣ горы. Тоже говоритъ и Матей т. е. что произнесение молитвы «Отче нашъ» слѣдовало послѣ уединенной молитвы Господа. Все различіе поэтому состоитъ лишь въ томъ, что по Матеею Иисусъ самъ произнесъ молитву «Отче нашъ», а по Лукѣ — по просьбѣ апостоловъ. Правда, у Матеея ни просьба учениковъ ни вообще произнесение образца молитвы не имѣютъ, повидимому, истиннаго мѣста. Но вѣдь дѣло въ томъ, что Иисуса нельзя представлять — вмѣстѣ съ Штраусомъ — говорящимъ также принужденно и формально, такъ западные пасторы на кафедрѣ ⁴¹). Нѣтъ, Онъ училъ свободно, непринужденно, чѣмъ легко и естественно объясняется и то обстоятельство, что Матеей изображаетъ Его *сидящимъ*, а Лука *стоящимъ*. И такъ какъ Матеей передаетъ чашъ только отдѣльныя части нагорной проповѣди, какъ великаго цѣлаго, такъ какъ помимо того, что находимъ мы у Мат. 5-7., Господь, нужно предположить, говорилъ еще многое, недошедшее до насъ; то должно думать, что во время произнесения Имъ нагорной проповѣди, наступали иногда болѣе или менѣе продолжительныя паузы и остановки, сопровождавшія нѣкоторыя притчи Его ⁴²). Естественно поэтому предполагать, что ученики, побуждаемые продолжительною молитвою Господа, предшествовавшею произнесению молитвы «Отче нашъ» и словами Матеея 6, 5-6, просили Его научить ихъ молиться во время самаго произнесения Имъ на горной проповѣди.

Вообще же молитва Господня занимаетъ въ нагорной проповѣди Матеея самое приличное мѣсто. Господь обличалъ лицемерную мо-

39) По Эбрарду, нельзя согласиться съ тѣмъ, что молитва Господня сообщена Лукою при другомъ случаѣ, потому что опредѣленнаго случая или времени Лука не указываетъ; онъ говоритъ только, что во время продолжительной молитвы Иисуса въ одномъ мѣстѣ къ Нему пришли ученики, Онъ научаетъ ихъ молиться и произноситъ самую молитву.

40) Лук гл. 6.

4(24 M1) Эбрардъ, тамже. Стр. 425.

ат. 13 10.

лству книжниковъ и фарисеевъ и предлагала условія необходимыя для того, чтобы молитва была угодна Богу; слѣд. естественно было предложить и самый образецъ молитвы, показывающей какъ должно молиться и чего просить отъ Бога въ молитвѣ.

б. Несостоятельность гипотезы, по которой Матѳей при составленіи нагорной проповѣди пользовался нагорною проповѣдію Луки, очевидна сама собою. И *αα.* нагорная проповѣдь Луки гораздо кратче нагорной проповѣди Матѳея; отсюда—если уже такъ—естественнѣе допустить, что первый пользовался послѣднимъ, чѣмъ наоборотъ. *ββ.* Мы ли нагорной проповѣди Луки родственны и даже тождественны съ мыслями нагорной проповѣди Матѳея; но съ другой стороны въ послѣдней есть и такія мысли, которыя принадлежать исключительно ей одной. Если теперь Матѳей пользовался нагорною проповѣдію Луки, то спрашивается: откуда онъ заимствовалъ мысли, которыхъ вовсе нѣтъ въ нагорной проповѣди Луки, тѣмъ болѣе, что нагорная проповѣдь Матѳея, какъ мы уже видѣли, не есть компиляція изъ другихъ рѣчей Господа? Собственные вставки евангелиста помыслимы при томъ уваженіи его къ подлиннымъ мыслямъ Господа, какое онъ долженъ былъ питать къ нимъ.

Выѣстъ съ этимъ само собою падаетъ и слабое положеніе Шенкеля: «рѣчь Иисуса не могла содержать въ себѣ, болѣе сколько есть у Луки» ⁴³⁾, мотивированное такимъ образомъ: *αα.* Иисусъ тогда еще не могъ называть учениковъ солью земли, свѣтомъ міра; по тому что еще неизвѣстно было, будутъ ли они на самомъ дѣлѣ такими. *ββ.* Тогда еще не время было требовать рѣшительной борьбы противъ ложной праведности «книжниковъ и фарисеевъ» ⁴⁴⁾; потому что время борьбы было еще довольно далеко. *γγ.* Рѣчи о молитвѣ, постѣ, милостынѣ и заботѣ о нищѣ ⁴⁵⁾ не благоприятствовали обстоятельства (какія и почему?). Положеніе, повторяемъ, слабое, потому что съ одной стороны основная матерія рѣчи Иисуса въ болѣе полномъ видѣ содержится, какъ мы видѣли, не у Луки, но Шенкелю ⁴⁶⁾, а у Матѳея. Съ другой—послѣ того какъ Иисусъ приобрѣлъ столь многихъ послѣдователей, возбудилъ въ народъ столь великую о Себѣ молву и притчами обратилъ на себя вниманіе слушателей,—Онъ долженъ былъ высказать, наконецъ, то

43) Decs Charanterbila Jesu. Стр. 102.

44) Мат. 5, 20.

45) Мат. 6, 2 и д.

46) Тамже. Стр. 98.

чего Онъ хочетъ. Всѣ бывшія доселѣ дѣйствія Его были только средствомъ а не цѣлюю. Больныхъ Онъ исцѣлялъ; мертвыхъ воскрешалъ; о царствіи Божіемъ, которое пришелъ устроить, Онъ говорилъ въ загадочныхъ образахъ; о пріятномъ годѣ Господа, который наступилъ съ пришествіемъ Его, въ загадочныхъ словахъ; народъ открывалъ свое ухо; всѣ предавались свѣтлой или темной, чистой или смутной надеждѣ, что Иисусъ есть обѣтованный Мессія, они слѣдовали за Нимъ; они жаждали принять участіе въ царствѣ Его; послѣ этого долженъ ли Онъ былъ молчать еще и теперь⁴⁷⁾? Такимъ образомъ Ему необходимо было дать массѣ народа вѣрное понятіе о существѣ Его царства, о его формѣ, объ истинномъ расположеніи вѣрующихъ, о своихъ требованіяхъ отъ нихъ и т. д. Но такое опредѣленное понятіе обо всемъ этомъ Онъ даетъ не у Луки, а у Матѳея, гдѣ Онъ говоритъ о стремленіи къ вѣчному блаженству и о положеніи царства Его въ мірѣ, о требованіяхъ Божіихъ и объ исполненіи ихъ, о необходимости молитвы и мн. др., чего нѣтъ у Луки.

Почему же отрицательная критика такъ настойчиво ратуетъ противъ нагорной проповѣди въ томъ видѣ, какъ передаетъ ее намъ евангелистъ Матѳеи? Она желаетъ, по справедливому замѣчанію Эббарда⁴⁸⁾, «выбросить характеристическія черты изъ жизни Иисуса, и ничего болѣе не оставить, какъ только неопредѣленные фрагменты изъ жизни обыкновеннаго раввина, для того чтобы на этомъ удобнѣе было затѣмъ построить гипотезу изустныхъ мнѣній и письменныхъ передѣлокъ». И такъ, въ угоду нечистому побужденію отрицательной критики, нагорная проповѣдь Матѳея должна лишиться значительной части своего содержанія—ученія объ отношеніи между собою в. и н. завѣта и пр. Но, къ счастью, напряженныя усилія отрицательной критики на пути достиженія желанной цѣли, къ которой она неусыпно стремится, напрасны: нагорная проповѣдь не только не нарушаетъ *историческаго хода жизни Иисуса*, но и есть необходимый членъ его, безъ котораго многое въ жизни Иисуса осталось бы для насъ загадочнымъ.

И такъ, путемъ строгаго анализа мифіи отрицательной критики, мы достигли желанныхъ результатовъ т. е. мы убѣдились *α.*, что преимущество первоначальности принадлежитъ нагорной проповѣди Матѳея; *β.* Что нагорная проповѣдь Матѳея не есть компиляція изъ произнесенныхъ Господомъ въ различное время и по различнымъ случаямъ рѣчей; и, наконецъ, *γ.* что слѣд. въ

47) Эббардъ, тамже. Стр. 423-424.

48) Тамже.

сущности нагорная проповѣдь Матѳея есть та самая, которую произнесъ Господь. Дѣлая, впрочемъ, это послѣднее заключеніе, мы вовсе не думаемъ придавать ему безусловное значеніе; мы все нежелаемъ упорно защищать положеніе, будто нагорная проповѣдь Матѳея есть нагорная проповѣдь Господа въ полномъ значеніи этого слова. Правда, евангелистъ Матѳей излагаетъ въ нагорной проповѣди то и такъ, что и какъ говорилъ самъ Господь. Но при всемъ этомъ мысль эту мы принимаемъ съ ограниченіемъ т. е. что нагорная проповѣдь представляетъ лишь извлеченія изъ подлинной бесѣды Господа, какъ и другія бесѣды его напр. бесѣда съ Никимеємъ; отсюда и недостатокъ въ ней подлежащей связи. Въ самомъ дѣлѣ, было бы довольно странно предполагать, что Матѳей, если только онъ былъ, вопреки мнѣнію Мейера, непосредственнымъ слушателемъ Господа во время произнесенія Имъ нагорной проповѣди, записывалъ ее со словъ божественнаго проповѣдника. А излагая ее послѣ, онъ, естественно, не могъ удержать всѣхъ выраженій съ буквальною точностію. Поэтому-то намъ кажется болѣе естественнымъ допустить, что самая мысль нагорной проповѣди Господа Матѳей удержалъ во всей ихъ цѣлости, полнотѣ и неподдѣльности, съ болѣе или менѣе значительными, конечно, опущеніями, но буквою, какъ вѣшнюю оболочку мысли, онъ располагалъ по произволу т. е. облакалъ мысль въ такую или иную форму выраженія. Тоже должно сказать и о нагорной проповѣди Луки.

с. Если такъ, то въ какомъ же отношеніи находится нагорная проповѣдь Матѳея къ нагорной проповѣди Луки?

Тождество нагорной проповѣди Матѳея съ нагорной проповѣдію Луки видно изъ сравненія изреченій той и другой проповѣди; только рѣчь Луки годаздо кратче рѣчи Матѳея. Такъ всегда смотрѣла на рѣчи евангелистовъ Матѳея и Луки и вся восточная церковь. Отцы и учителя ея допускали въ евангеліяхъ вообще и въ рѣчахъ Иисуса въ частности отступленіе отъ первоначальнаго порядка, основывая на этомъ достовѣрность евангельскихъ повѣствованій. Такой же взглядъ проводили они и относительно нагорной проповѣди, признавая ее тождественною съ нагорною проповѣдію Луки.

Не такъ смотрѣла на нагорную проповѣдь западная церковь. Августинъ въ своемъ сочиненіи *de consensu evang.* доказывалъ различіе нагорныхъ рѣчей Матѳея и Луки, предполагая, что на горѣ предъ учениками Господь произнесъ нагорную проповѣдь, записанную евангелистомъ Матѳеемъ: а затѣмъ въ долині Онъ

кратко повторилъ предъ народомъ тѣ же самыя истины, только въ сокращенномъ видѣ, составляющіе предметъ нагорной проповѣди Луки.

Вопросъ о тождествѣ нагорныхъ бесѣдъ евангелистовъ Матѳея и Луки служить предметомъ споровъ и въ настоящее время. Такъ, вслѣдствіе за Августиномъ, Озіандеръ, Бюшингъ, Веззъ, Шторръ, Грацицъ и др. смотрять на обѣ бесѣды какъ на исторически различныя; другіе, напротивъ, какъ на совершенно тождественныя, утверждая, что онѣ представляютъ только двѣ различныя евангельскія релакціи одной и тойже рѣчи Господа. По Кальвину, Шенкенбургеру и Ольсгаузену менѣе подлинную редакцію представляетъ нагорная проповѣдь Матѳея; по Толюкку, Эбрарду ⁴⁹⁾ и Мейеру, ⁵⁰⁾ напротивъ, нагорная проповѣдь Луки. По смѣлому приговору Штрауса, въ данномъ случаѣ поспѣшному и потому неосновательному, обѣ нагорныя проповѣди не имѣютъ права рассчитывать на подлинность. Ланге раздѣляетъ взглядъ Августина и др., полагая, что Матѳей и Лука передаютъ двѣ различныя рѣчи, произнесенныя Господомъ непосредственно одна за другою, изъ коихъ одна произнесена была на горѣ, другая—въ долинѣ; одна—въ замкнутомъ кругу учениковъ Господа, другая—предъ толпою народа, который сопутствовалъ Ему. Хотя, говоритъ Ланге, обѣ рѣчи, по ихъ основнымъ мыслямъ и существенному содержанию, составляютъ одну рѣчь въ двухъ различныхъ видахъ, но нагорная проповѣдь Матѳея выражена въ эсotericкой формѣ, а нагорная проповѣдь Луки—въ экsotericкой. къ этому нужно присоединить единство основныхъ мыслей: идея возвышенія смиренныхъ и униженія возвыщенныхъ, соотвѣтствуя идеѣ израильскаго юбилейнаго года, выражена въ формѣ блаженствъ. Но—продолжаетъ Ланге—различныя формы этой основной мысли говорятъ за различіе рѣчей именно въ слѣдующихъ моментахъ: α. число блаженствъ въ той и другой рѣчи не одно и тоже и построеніе отдѣльныхъ предложеній неодинаково; β. Лука представляетъ противоположность въ блаженствахъ при сравненіи ихъ съ параллельными мѣстами у Матѳея. Противоположность эта встрѣчается и у послѣдняго въ изображеніи праведности и ея послѣдствій; но у Луки совсѣмъ иная форма. Къ этому должно присоединить γ. различіе мѣстности и аудиторіума. По Матѳею, Господь произноситъ рѣчь *сидя* на вершинѣ горы; по Лукѣ, Онъ идетъ на ровное возвышенное мѣсто и проповѣдуетъ народу *стоя*. По Матѳею, Онъ удаляется отъ народа

49) Тамже. Стр. 355.

50) Тамже Стр. 168.

въ среду Его учениковъ; по Лукѣ, Онъ сходитъ съ своими учениками съ горной вершины и помѣщается въ кругу многолюдной толпы народа. Нагорная проповѣдь Маттея была произнесена поэтому въ кругу учениковъ; такъ какъ, по Ланге, Господь теперь еще не могъ говорить открыто предъ народомъ, потому что Онъ касался пользующихся авторитетомъ въ народѣ книжниковъ и фарисеевъ, порицая ихъ ложную праведность, и представлялъ прямую противоположность между своимъ учениемъ и учениемъ книжниковъ и фарисеевъ. Въ такомъ видѣ Господь не могъ теперь предложить ученіе іудейскому народу, потому что онъ еще не былъ подготовленъ къ слуханію такой полноты ученія. Отсюда Ланге смотритъ на рѣчь Маттея какъ на эсотерическую, представляющую съ одной стороны основное ученіе о царствѣ небесномъ въ отношеніи къ в. завѣту, съ другой—изображеніе испорченныхъ традицій теократіи. Въ такой формѣ рѣчь могла быть предложена только ученикамъ. Отсюда продолжаетъ Ланге—горная уединенность, удаленіе въ кругъ учениковъ. Оставляя въ сторонѣ заключительныя слова евангелиста—*народъ* дивился ученію Его, опровергающія взглядъ Ланге на нагорную проповѣдь Маттея какъ на эсотерическую, произнесенную Господомъ въ тѣсномъ кругу учениковъ Его, Ланге говоритъ далѣе, что слова эти уполномочиваютъ его къ дальнѣйшему заключенію, что, послѣ того какъ Господь сказалъ рѣчь ученикамъ своимъ на вершинѣ горы, Онъ произнесъ нагорной равнинѣ другую рѣчь предъ народомъ, записанную евангелистамъ Лукою. Свойства рѣчи—простота, конкретность, образность въ выраженіяхъ и краткость—вполнѣ соответствуютъ и степени развитія простаго народа и той связи, въ которой находится она у Луки. Отсюда характеръ ея—эксотерическій; эту-то рѣчь Господь и произнесъ предъ многолюдною толпою народа, хотя взоръ Его покоился на ученикахъ, составлявшихъ зерно собранія. Другіе къ этому присоединяютъ еще: б. въ бесѣдахъ евангелистовъ Маттея и Луки есть, говорятъ, мѣста, заключающія различный смыслъ ⁵¹⁾ е. Во время произнесенія Господомъ нагорной проповѣди у Него было, по Маттею, только четыре ученика; избраніе 12 апостоловъ онъ относитъ къ позднѣйшему моменту дѣятельности Иисуса ⁵²⁾; тогда какъ по Лукѣ избраніе 12 апостоловъ предшествовало произнесенію проповѣди.

Таковъ взглядъ ученыхъ на отношеніе между собою рѣчей Маттея и Луки и тѣ основанія, на которыхъ они зиждутъ свой

51) Лук. 20 и Мат. 5, 3.

52) Мат. 4, 18-22. 5, 1. 10, 1.

взгляд. Основанія эти не настолько, впрочемъ, сильны и прочны, чтобы они могли придать взгляду ученыхъ на отношеніе между собою рѣчей Господа значеніе непреложной истины. Но, говоря такимъ образомъ, мы вовсе неамѣрены критически и — тѣмъ болѣе — подробно разбирать доводы ученыхъ съ цѣлю показать несостоятельность ихъ. Дѣломъ критической оцѣнки ихъ занимался Блекъ. Мы замѣтимъ только αβ., что различіе въ числѣ блаженствъ и построеніи рѣдоженій, представленіе Лукою противоположности въ блаженствахъ при сравненіи ихъ съ параллельными мѣстами Матѳея, недостатокъ у Луки многихъ изреченій, находящихся у Матѳея, и наоборотъ⁵³⁾ и, наконецъ, отличіе многихъ выраженій Луки отъ выраженій Матѳея⁵⁴⁾, — все это естественно и даже необходимо вслѣдствіе различнаго образа рѣчи и различныхъ цѣлей, которыя имѣли въ виду писатели. Все это, по замѣчанію Златоуста, ручается скорѣе за достовѣрность евангельскихъ повѣствованій. 1. Различіе мѣстности несколько, по нашему мнѣнію, не говоритъ въ пользу различія рѣчей Матѳея и Луки, потому что кажущееся различіе мѣстности можетъ быть если не вполне устранено, то, по крайней мѣрѣ примирено, а съ достиженіемъ послѣдняго оно веряетъ силу доказательности относительно различія рѣчей. Несогласіе евангелистовъ въ опредѣленіи мѣстности можно, вмѣстѣ съ Ольсгаузеномъ, примирить такъ, что или Матѳей соединяетъ прежнее восхожденіе тотчасъ съ ученіемъ безъ упоминанія о позжее слѣдовавшемъ нисхожденіи; или что натискъ многочисленной массы народа, слѣдовавшей за исцѣленіемъ сухорукаго, побудилъ Господа по нисхожденіи съ горы снова возвратиться на вершину ея, чтобы имѣть возможность говорить къ народу. Или, быть можетъ, «Господь сначала былъ на вершинѣ горы, потомъ сошелъ на равнину, которая находилась близъ вершины и говорилъ на ней поученіе, оставаясь такимъ образомъ на горѣ и вмѣстѣ находясь на равнинѣ⁵⁵⁾. — Далѣе взглядъ ученыхъ на рѣчи Матѳея и Луки какъ на совершенно различныя, изъ которыхъ первая назначена была исключительно для учениковъ, а вторая — для массы народа, и отсюда строгое разграниченіе ихъ на эсотерическую и экзотерическую, — теряетъ свое значеніе при безпристрастномъ отношеніи къ вопросу томъ, для кого въ самомъ дѣлѣ назначены были рѣчи Господа, записанныя евангелистами Матѳеемъ и Лукою? Обращая вниманіе на этотъ вопросъ вельзя, на основаніи словъ Матѳея: приступили къ Нему

53) Лук. 22-26. 38-40. 45.

54) Лук. 29 и Мат. 5, 39. 40; Лук. 35. 36 и Мат. 5, 44 45; Лук. 44 и Мат. 7, 16; Лук. 46 и Мат. 7, 21.

55) Вол. Еп. В. 1870 г. № 33. Декаб. Стр. 751 См. выш. подъ 3. Эбрардъ, тамже. Стр. 417-418.

ученики Его, и Луки: обратя очи свои на учениковъ своихъ, началъ говорить, — думать, что Господь произнесъ рѣчь исключительно къ избранному кругу 12 апостоловъ, нельзя потому, что, по свидѣтельству самыхъ же евангелій, обѣ нагорныя проповѣди назначены были не для учениковъ только ⁵⁶⁾, но и для народа ⁵⁷⁾. Рѣчь Господа сильно трогаетъ народъ, производитъ на него необыкновенное дѣйствіе ⁵⁸⁾; слова нагорной бесѣды Господа слушалъ весь народъ ⁵⁹⁾; вообще же специальнымъ дѣломъ Господа было учить какъ учениковъ, такъ и простой народъ. Обращая, впрочемъ, вниманіе на низкую степень развитія народа, должно предполагать, что рѣчь Господа обращена была преимущественно къ апостоламъ. Поелику, говорить Златоустъ, толпа была необразованная, состояла изъ людей, пресмыкавшихся долу: то Господь, собравъ предъ собою учениковъ, простираетъ къ нимъ рѣчь свою, и въ бесѣдѣ къ нимъ такъ говорить, что ученіе мудрости дѣлается занимательнымъ и для всѣхъ прочихъ, которые почти совершенно были неспособны Его слушать ⁶⁰⁾. Тоже говорятъ, вслѣдъ за отцемъ церкви, и новѣйшіе: Шенкель ⁶¹⁾, Гриммъ ⁶²⁾ и др. Послѣдній пишетъ: ученики, какъ избранные сосуды, готовы принять въ себя духъ новаго царства, чтобы потомъ сообщить его и другимъ. Но слова учителя не должны быть чужды и болѣе широкаго круга, потому только, что Онъ говоритъ къ своимъ ученикамъ: наставленіе учениковъ должно быть поэтому въ тоже время и наставленіемъ израиля ⁶³⁾. Такимъ образомъ преимущественное назначеніе рѣчи для учениковъ не исключаетъ одновременнаго назначенія ея и для народа. Если такъ, то смѣсъ элементовъ идеальныхъ и конкретныхъ, эсотерическихъ и экзотерическихъ весьма естественна въ одной и тойже рѣчи, и намъ нѣтъ нужды прибѣгать, подобно Ланге, къ различнымъ натяжкамъ, для того чтобы показать различіе рѣчей Господа у Матѳея и Луки, нѣтъ нужды потому именно, что приведенныя нами выше основанія слишкомъ громко говорятъ въ пользу назначенія обѣихъ рѣчей одновременно и для учениковъ и для народа, откуда естественно вытекаетъ,

56) Мат. 5, 1-2 Лук. 6, 12-20.

57) Мат. 7, 28. Лук. 6, 12-20.

58) Мат. 7, 28.

59) Лук. 7, 1.

60) Бесѣды на евангелиста Матѳея. Переводъ съ греческаго Изд. 1879 г. Стр. 266.

61) Тамже. Стр. 97.

62) Die Einheit der Evangelien. Uierter Abschnitt. Bergpredigt. Стр. 256.

63) Ср. Бунзена. Тамже.

какъ уже замѣтили мы, соединеніе элементовъ эсотерическихъ и экзотерическихъ въ одной и той же рѣчи. д. Мысль о различіи смысла въ изреченіяхъ Лук. 6, 20 и Мат. 5, 3 легко устраняется внимательнымъ разсмотрѣніемъ этихъ изреченій. е. Въ 1 ст. 10 гл. Мат. рѣчь идетъ о посланіи апостоловъ на проповѣдь, а не объ избраніи ихъ, которое могло предшествовать произнесенію нагорной бесѣды, хотя евангелистъ и не упоминаетъ о немъ.

Вообще относительно поставленнаго нами вопроса объ отношеніи между собою рѣчей Господа у евангелистовъ Матѳея и Луки, должно сказать, на основаніи вышеизложенныхъ нами данныхъ, что нагорная проповѣдь Матѳея есть та самая, которая находится и у Луки, потому что не смотря на различіе опредѣленія евангелистомъ Лукою мѣстности⁶⁴⁾, сравнительно съ опредѣленіемъ ея евангелистомъ Матѳеемъ, не смотря на различіе обѣихъ нагорныхъ проповѣдей въ формѣ и порядкѣ,—начало и конецъ рѣчи Луки, единство содержанія ея съ содержаніемъ рѣчи Матѳея и, наконецъ, фактъ исцѣленія больнаго въ Капернаумѣ⁶⁵⁾ рѣзко говорятъ въ пользу тождества обѣихъ рѣчей т. е. что Матѳей и Лука передаютъ не двѣ различныя рѣчи, какъ полагаютъ Августинъ, Бюшингъ, Ланге и др., по одну и ту же въ различныхъ редакціяхъ.

(Продолженіе будетъ).

Оригенъ противъ Цельса.

(Продолженіе)

Такимъ образомъ Оригенъ доказалъ, что христіанство не такъ слѣпо призываетъ къ себѣ послѣдователей и новая религія не такъ безсодержательна, какъ это кажется врагамъ христіанства.

Чтобы сильнѣе поразить христіанство и показать его безправность предъ языческими религіями и языческою мудростію, на сторонѣ которыхъ были и исторія, и авторитетъ, и преданіе, Цельсъ ищетъ оторвать его отъ его историческаго основанія—религіи иудейской; а когда онъ этого не могъ сдѣлать, то старается покрайней мѣрѣ, унижить Иудейство, а въ лицѣ его подорвать и самое христіанство.

64) Лук. 6, 17.

65) Лук. 7, 1 и д.

Прежде всего онъ старается выставить на видъ, что эти два кровенія далеки отъ того, что бы быть согласными, а скорѣе взаимно разрушаютъ себя. Моисеевъ законъ и религія—это совершенная противоположность, полная оппозиція христіанству. Вотъ слово Бога, Который устами Моисея повелѣваетъ Іудеямъ заселять землю и владѣть ею, вести войну безъ всякаго сожалѣнія, безъ пощады для враговъ. Но вотъ является снова къ Іудеямъ тоже самое слово, по вашимъ словамъ, и говоритъ совершенно противоположное. Кто любитъ богатство, славу,—не увидитъ Отца, не будетъ радоваться на землѣ. Люди должны жить, не заботясь, подобно птицамъ, о жизни и ея средствахъ. Кто ударяетъ въ щекъ, тому нужно подставить другую и пр. Кто же изъ нихъ заблуждается Моисей или Христосъ? Вѣдь не скажете же, что оба равно справедливо говорили, потому что они противорѣчатъ самимъ себѣ.

Ужъ не позабылъ ли Богъ, посылая Сына, напомнить ему, о порученіяхъ, данныхъ Іудеямъ? Или онъ увидѣлъ, что дурные далъ законы Іудеямъ и посылаетъ Мессію, для того чтобы поправить свои ошибки и свидѣтельствовать совершенно противное тому, что Онъ прежде сказалъ? И что это за Мессія, иронически говоритъ Цельсъ. Который, пришедши къ людямъ, не пошелъ вѣры у нихъ, особенно тогда, когда Онъ открылся тѣмъ, которые на Него надѣлись? Или какъ возможно быть не узаннымъ тѣми, которые такъ долго Его ожидали? (VII, 776, 777).

Но съ такою рѣзкостію и ироніею выставленныя противорѣчія ступевываются у самого же Цельса, когда онъ становится на другую точку зрѣнія и напоминаетъ, что обѣ религіи стоятъ на одномъ основаніи—на вѣрѣ въ личнаго Бога и Творца міра,—что онъ, не смотря на вражду представителей, связанныхъ между собою. вторая ссылается на первую, ссылается на ея свящ. книги и имѣетъ свое основаніе въ прошедшемъ Іудейской религіи. Цельсъ, къ стыду своему и явному противорѣчію, самъ же долженъ былъ сознаться и признать существенное сходство между тою и другою религіею. Теперь у него все вниманіе устремлено на то только, чтобы всѣми средствами унижить Іудейство и оспорить въ лицѣ его христіанство. Онъ не скуится на слова и краски. Во всякомъ случаѣ, говоритъ этотъ противникъ, такъ недавно видѣвшій не примиримое противорѣчіе между Вѣтхимъ и Новымъ завѣтомъ, «споръ между христіанами и Іудеями происходитъ изъ-за пустяковъ—изъ-за ослиной тѣни», какъ пословица говоритъ. (III, 681).

Во всемъ существенномъ они сходятся между собою; они страдаютъ одною и тою же глупостію. Въ самомъ дѣлѣ, единствен-

ное замѣчательное различіе состоитъ въ томъ, что христіане утверждаютъ, что Мессія уже пришелъ, тогда какъ Іудеи еще ожидаютъ Его пришествія въ будущемъ.

Эти, т. е. Іудеи также могутъ называться народомъ Божиимъ; ихъ происхожденіе извѣстно: предки ихъ были Египетскіе бунтовщики, прогнанные и въ своемъ отечествѣ осужденные за то, что они вздумали вводить реформы.

Это были христіане того времени; они водились подобнаго же рода возмутительными стремленіями (Ш. 681, 682). Ихъ великаго законодателя и законъ его нельзя сравнить съ первыми законодателями Греціи: Ливодо отъ себя отвержеидомъ и др. Его книги, если только не толковать ихъ азиатскаго языка, очень жалки, и онѣ унижаютъ божество, приписывая Ему човѣческія страсти. Іудеи не могли даже сохранить вѣру неиспорченную: по странной непоследовательности они вмѣстѣ съ Единнымъ Богомъ почитали еще небо и ангеловъ и отвергали поклоненіе блестящимъ свѣтиламъ луны и звѣздамъ, которыя принадлежать къ небу (V, 731). Въ чемъ, спрашиваетъ Цельсъ, состоитъ ихъ превосходство предъ остальными народами? Ихъ Богъ не принадлежитъ имъ; ибо ихъ Іегова есть только искаженный Греціи Юпитерь. Ихъ учрежденія заимствованы отъ другихъ народовъ; обрѣзаніе они взяли изъ Египта. Дымящіяся развалины ихъ св. города достаточно говорятъ о томъ, что они не суть любимый народъ неба (V, 743, 744). Если есть народъ истинно древній и заслуживающій вниманія, то его, по Цельсу, нужно искать не въ Іудеѣ, но въ Халдеѣ (V, 77). Спрашивается послѣ этого, для чего такъ сильно нападать на Іудейство, если оно въ самомъ дѣлѣ такъ темно и низко по происхожденію, если оно такъ ничтожно въ культурномъ отношеніи сравнительно съ другими религіями? Уже изъ самого ожесточеннаго стремленія Цельса унижить Іудейство можно видѣть, что оно совершенно неодинаково съ остальными религіями и что оно въ главныхъ началахъ и учрежденіяхъ далеко стояло выше культурныхъ религій и философіи.

(Продолженіе будетъ).

Редакторы: { Прот. **Ф. Никоновъ.**
Свящ. **А. Адамовъ.**

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **Ш. Палицынъ.**
Марта 31-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи **Н. Д. Гольдштейной.**